

INSPIRIA

**НЕ
УДОБ
НАЯ
ЖЕН
ЩИНА**

ЕДИНСТВЕННЫЙ
СПОСОБ
ПРЕДОТВРАТИТЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ —
ЭТО СОВЕРШИТЬ ЕГО

**СТЕФАНИ
БЮЛЕНС**

INSPIRIA

Ток. Ненадежный рассказчик. Настоящий саспенс

Стефани Бюленс

Неудобная женщина

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бюленс С.

Неудобная женщина / С. Бюленс — «Эксмо», 2020 — (Ток.
Ненадежный рассказчик. Настоящий саспенс)

ISBN 978-5-04-117185-8

Клэр знает – это Саймон, бывший муж, убил их дочь. И способен снова убить. Когда жизнь Саймона приходит в норму после развода, он заводит семью, и Клэр начинает бояться за жизнь его новоиспеченной падчерицы – так похожей на их погибшую девочку. В попытках предупредить невесту Саймона о его истинной натуре Клэр переходит все границы: угрожает, преследует и вызывает неподдельный страх. Слоан Уилсон, уволившись из полиции, привыкла работать с такими людьми. Но, приглядевшись, она видит больше, чем одержимую бывшим психопатку. И возможности отличить болезненный вымысел от разрушающей правды не остается. Но одно Слоан знает наверняка: иногда единственный способ предотвратить преступление – это совершить его.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-117185-8

© Бюленс С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть I	7
Клэр	7
1	7
2	12
3	15
4	20
5	21
6	24
Часть II	27
Слоан	27
1	27
2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Стефани Бюленс

Неудобная женщина

Книга посвящается тем, кто в душе воин и верит в настоящую дружбу.

Полу Уорду, Уильяму Ларсену, Витторио Карелли – за наши совместные слезы, смех и бесконечную борьбу за счастье, Рошин и Раману Чавла – за безграничную щедрость, а также моей сплоченной семье – родителям, Люку и Бернадетт Бюленс, моей сестре и братьям – Поли, Грегуару, Матье, их женам – Сесиль и Флоранс и их детям – Матису, Александру, Лоле, Луисону и Тому.

Весь мир может стать твоим врагом, когда теряешь то, что любишь.

Кристина МакМоррис
«Мост багряных листьев»

Stéphanie Buelens

AN INCONVENIENT WOMAN

Copyright © 2020 by Stéphanie Buelens. All rights reserved.

© Никишева К., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Он был воплощением силы – мощные руки, могучая шея, крепкие ноги, – и сила эта увлекала меня за собой в глубины океана. Зажатая в кольцо его рук, я не могла сопротивляться его воле – так море подчиняется луне. Но страха не было.

И тут вдруг он замер и потребовал: Отцепись от меня.

А я только крепче сцепила руки на его шее.

Он указал на лодку.

Плыви!

Лодка была так далеко, а волны – такими высокими.

Я сцепилась в него изо всех сил, но тщетно. Он играючи развел мои руки, словно они были не тяжелее нити.

Плыви, повторил он и вытолкнул меня на открытую воду.

Я погрузилась с головой, но затем вынырнула.

Плыви к лодке, Клэр, приказал он.

Ослушаться было невозможно.

И я поплыла.

Вокруг меня яростно вздымались волны. В них было нечто злое. Им ненавистен был мой страх. Я оглянулась в надежде, что он плывет за мной. Но он не двигался, по грудь в бушующей воде.

Меня окатило пенистой волной. Захлебнувшись, я сделала судорожный вздох и закашлялась. Ноги перестали колотить по воде. Руки отказывались грести. Тяжело, будто камень, я пошла ко дну.

И тут над головой что-то вспыхнуло – солнечный луч на поверхности воды. Я устремилась к нему, жадно загребая, и наконец выплыла. Я часто и тяжело дышала. Воздуха не хватало.

Я огляделась – теперь-то он наверняка спешит мне на помощь. Но он не двинулся с места.

Вода тянула меня вниз, словно вознамерилась поглотить меня. Поддаваться было нельзя. Я заработала ногами, и с каждым толчком продвигалась чуть-чуть дальше.

Гребок, еще один и еще один – каждый дюйм давался с невероятным трудом.

Но вот наконец и лодка.

Я подтянулась, схватилась за борт. Еще рывок. До цели оставалось всего ничего. Я сделала глубокий вдох и приготовилась к последнему рывку. Раз. Два. Три. Вперед!

Что-то ухватило меня за ноги под водой. Я пригляделась. Чужие руки держали мои щиколотки и тянули вниз. Это был отец.

Внезапно раздался крик:

– У вас все в порядке?

К нам приближалась другая лодка, на носу сидел старик.

– Все хорошо, мальшика?

Отец, похоже, это услышал. Он отпустил меня, всплыл и фальшиво рассмеялся.

Но его глаза говорили правду.

Часть I

Клэр

1

На рассвете я вижу нечеткий, ускользающий сон.

Это мое воспоминание, но теперь в нем есть нечто голливудское. Словно сцена из слащавого романтического кино – что-то в стиле «Робин и Мэриан»¹.

Я стою посреди бескрайнего зеленого луга. Мне лет двадцать пять.

Лето.

Ярко светит солнце. Тепло.

Ветерок колышет траву, а сзади ко мне прижимается мужчина.

Я чувствую тепло его тела, его дыхание щекочет мне шею.

– Не шевелись, – говорит он.

Он берет мою руку и кладет ее на лук.

– Тяни ко мне, – говорит он.

Он медленно отводит назад наши руки, и тетива натягивается.

– Теперь замри, – говорит он, когда натяжение достигает предела.

На несколько напряженных мгновений мир сжимается до одной неустойчивой точки.

Он говорит:

– Давай.

Я отпускаю тетиву, и стрела летит к мишени.

Но поразить ее она не успевает: сон обрывается, и до меня доходит, что это был не фильм о Робин Гуде и Мэриан. Это были реальные Макс и Клэр.

Нас окружал не пышный зеленый луг, а пустыня.

И в руках у меня был не лук, а пистолет.

* * *

Двумя часами позже в ванной я разглядывала свое отражение. В запотевшем после утреннего душа зеркале все казалось размытым, но постепенно в нем начали проступать мои черты.

Словно бы я медленно поднималась сквозь толщу воды – и в конце концов выбралась на поверхность.

Вот она – Клэр Фонтен.

Ничего необычного. Просто женщина, которая собирается на работу.

Притворяться так просто.

* * *

Накинув после душа халат, я прошла в кабинет и включила компьютер. Я не устанавливала за Сайоном маниакальной слежки, но старалась не упускать его из виду. Я настроила оповещения на его имя, и пару дней назад пришла новость о помолвке.

¹ Фильм 1976 года с Шоном Коннери и Одри Хепберн в главных ролях.

Перепроверить не помешает. Я зашла в Интернет и увидела фото.

Саймон победно улыбается – он уверен, что свежий трофей уже у него в руках. Шарлотта, его невеста, – она и не подозревает, что уготовило ей будущее. Десятилетняя Эмма, ее дочь.

Он снова это сделает.

Нельзя забывать о том, кто он. Я вбила имя Саймона в поисковике и выбрала раздел «Картинки».

На экране выстроилась стена из фотографий:

Саймон в смокинге на благотворительных мероприятиях.

Саймон играет в гольф со звездами, политиками и бизнесменами.

Саймон вручает и получает награды от городского совета.

Альтруист Саймон с лопатой в руках участвует в закладке центра искусств, который будет носить его имя.

Его богатство бросается в глаза.

Вот Саймон стоит на пороге своего огромного дома, вот он прислонился к своему дорогому автомобилю, а вот он за штурвалом собственной яхты.

Этим он вскружил мне голову? Этой показной роскошью?

Если так, то я виновата вдвойне.

Но какой толк ворошить прошлое, сожалея о том, что его истинное лицо открылось мне слишком поздно?

Я подумала об Эмме.

Светлые волосы.

Голубые глаза.

Невинная и доверчивая.

Все, как любит Саймон.

* * *

Я собиралась к первому ученику, когда зазвонил телефон. На экране высветилось имя Саймона.

Это было ожидаемо, но отвечать не хотелось. В конце концов я ответила отрывистым:

– Да?

– Поверить не могу, что ты это сделала, Клэр.

Голос ровный – эмоции под контролем, он все всегда держит под контролем. На заднем фоне послышался всплеск, и я тут же представила, как он стоит на носу яхты, одетый в морском стиле. Синяя куртка с медными пуговицами. Белые брюки и кеды. Фуражка с золотым значком. Яхте он дал говорящее название – *«Девочка моя»*.

– Клэр? Ты там?

Я промолчала, и он заговорил как юрист, дающий ценный совет. Он опытен и невозмутим, к такому человеку нельзя не прислушаться.

– Это письмо было совершенно неуместным, Клэр. Твои обвинения, как всегда, беспочвенны.

Я могла бы предоставить доказательства – такие, к каким он привык, предъявить ему иск, будто мы в суде, но тогда он загонит меня в угол. Он начнет ловко отбивать каждый мой довод. Я занервничаю и потеряю терпение. На меня нахлынут злость и чувство бессилия, а он на другом конце провода будет самодовольно ухмыляться.

Некоторые женщины действуют под влиянием гнева. Они хватают монтировку и идут к машине мужа. Разбивают ветровое стекло, вдребезги разносят фары, оставляют вмятины на металлическом корпусе.

Если бы женскую ярость было так легко утолить, на дорогах просто не осталось бы машин.

Хамелеон Саймон тем временем превратился в психолога. Прямо как в телешоу – внимательный, чуткий, отзывчивый и полный сострадания.

Он говорил о чувстве вины, которое «разъедает меня», о «проблемах с доверием», о моих «оскорбительных подозрениях».

Затем переключился на нашу совместную жизнь.

Жаль, что все так закончилось, – тому виной мое «тяжелое наследие»: это он о том, как мой отец пытался меня утопить. Саймон несколько мне не верил и, скорее всего, втайне крутил пальцем у виска: *первая бредовая выдумка Клэр*.

Если, конечно, ему не лень было поднять руку.

Может, ему и насмешки было для меня жалко.

– Я по-прежнему беспокоюсь о тебе, – сказал он. – Правда.

Это не так. Развод стирает все.

К сожалению, меня он стер недостаточно тщательно.

Я появилась снова, как застарелое пятно.

– Клэр, прошу тебя, это всего лишь трагическое стечение обстоятельств.

Его голос доносился словно издалека – воображение унесло меня прочь. Моей дочери Мелоди сейчас двадцать один, она только что окончила колледж. В этом альтернативном будущем она просит меня не волноваться по пустякам: «Ой, мам, ну ты типичная МО» – сокращение от «мать-одиночка». Затем сцена из прошлого: Мелоди снова восьмилетняя девчушка, играющая на берегу. Море сверкает в лучах солнца. Она зовет эти отблески бриллиантами.

Конечно, это странно – вот так перемещаться из прошлого в будущее, от реальности к иллюзиям. Иногда я «вспоминаю» будущее, как если бы оно случилось на самом деле. Прошлое и будущее смешиваются, словно краски на палитре художника. В такие моменты нереальным кажется только настоящее.

Для Саймона это очередное доказательство моего безумия. Так ему легче будет выстроить линию защиты.

Но я не могу лишать Мелоди будущего, пусть даже вымышленного.

Снова она. Плещется в бассейне, а Макс учит ее плавать. Все смеются. Вот Мелоди верхом на пони, а Макс держит поводья. Давно минувшие праздники: Мелоди открывает рождественские подарки, Макс по традиции разрезает индейку на День благодарения.

Мой муж Макс. Моя дочь Мелоди.

Раньше у меня была семья.

– Ты согласна, Клэр? – спросил Саймон. – Давай спишем все на... небольшой нервный срыв.

Это Саймон в образе кроткого и всепрощающего друга.

Я по-прежнему молчала. Он издал усталый протяжный вздох.

– Ты ведешь себя просто по-детски.

А теперь он разочарованный отец.

Сколько у него обличий?

Ава любит повторять, что мужчины – совсем как мальчишки, которые наперегонки несутся к обрыву. Им ни за что не сорваться в пропасть, считают они. Саймон тоже верит, что может спокойно ходить по самому краю.

– Клэр, ты меня слушаешь?

Мягкий заботливый голос. Можно подумать, он мой ангел-хранитель. Совсем как отец – оба делали вид, что переживают за меня. Как жаль, что я стала жертвой столь мрачных фантазий. Счастье не за горами, говорили они, просто избавься от этих зловредных иллюзий. *Не зацикливайся*, говорили они хором. *Забудь о прошлом. Особенно о своих выдумках.*

Порой кажется, будто их губы кружат возле моих ушей.

Они без конца повторяют: *Это все ложь.*

Иногда я зажимаю уши руками, только бы их не слышать.

Совсем как сумасшедшая.

Раз или два я даже кричала. Молча.

В своих мыслях.

Никто не услышит.

– Я не могу допустить, чтобы это повторилось, Клэр, – сказал Саймон. – Ни со мной, ни с тобой. И уж точно не с Шарлоттой или Эммой.

И напоследок его коронная роль: Саймон – великодушный защитник. Никогда не думает о себе. Всегда старается оберегать других. Раньше это были мы с Мелоди. Теперь это Шарлотта и Эмма. Всегда кто-то найдет, но ложь от этого не становится правдой.

– Прошу тебя, вспомни, чем это закончилось в прошлый раз, – говорит он.

Мы наконец-то добрались до точки, которой всегда заканчиваются подобные разговоры, – угрозы.

На первый взгляд она завуалированная и едва заметная, но меня она бьет наотмашь, будто пощечина.

С меня хватит.

– Ты помнишь, как выглядела Мелоди? – спросила я ледяным тоном.

– Это был несчастный случай, Клэр. Она села в шлюпку. Был шторм, и шлюпка перевернулась.

– А почему она вообще оказалась в шлюпке, Саймон?

Саймон разозлился.

Он никогда не ответит на этот вопрос.

– Я имею право на счастье, – сказал он твердо, с достоинством, будто рыцарь на страже священных законов. – Ты не сможешь мне помешать.

Он повесил трубку.

Я вибрировала, как камертон, по которому ударили изо всех сил.

Отложив телефон, я вышла во двор навстречу утреннему солнцу. Было жарко, на небе ни облачка. Яркий свет слегка успокоил мои разгулявшиеся нервы.

И вдруг я почувствовала себя неудобно – вся как на ладони, легкая мишень.

Беззащитная, точно олень в открытом поле.

Я вернулась в дом и включила телевизор, чтобы отвлечься.

– Этим утром под опорами пирса Санта-Моники было обнаружено тело девушки.

Утонувшая девушка.

Мелоди тоже утащили волны.

Это очень роднит.

Союз утопленниц.

На экране полицейские на пляже склонились над черным мешком с телом.

– Личность жертвы и причина смерти пока не установлены.

Много лет тому назад, когда я изучала в Париже историю искусств, я прочла о юной утопленнице. Ее тело несли воды Сены. Девушку не смогли опознать и прозвали «L'Inconnue» – Незнакомка. Ее посмертная маска обрела невероятную популярность в среде парижских художников. Повсюду в их студиях висели ее изображения. Немецкие девушки взяли ее внешность за образец. Она стала романтическим идеалом.

Я снова проскользнула в вымышленное будущее. Мелоди шестнадцать, она читает в своей комнате. На стене, рядом с постером Эми Уайнхаус, изображение Незнакомки.

Я закончила одеваться и быстро оглядела себя, чтобы убедиться, что все в порядке, прежде чем отправляться на первое занятие. Небольшие скромные серьги. Туфли на низком

каблуке. Светло-розовая шелковая блузка. Черная юбка до колена. Я использую минимум макияжа и поверх светлой помады наношу блеск. Нижнее белье не просвечивает. Ничего вызывающего.

– Всех, кто владеет какой-либо информацией, просят обратиться в отделение полиции Лос-Анджелеса по следующему номеру...

Я схватила блокнот и записала номер – сама не знаю зачем. Утопленница была мне незнакома. Кроме того, она мертва, мне уже не удастся ее спасти. Может быть, всему виной новый кабельный канал *Femme Fatale*². Накануне показывали фильм, где женщина в дождевике убежала от преследующей ее машины.

Эта сцена напомнила мне о том, как тремя днями ранее я решила написать Саймону. Как я запаниковала, написав одну-единственную зловещую фразу:

Я не дам тебе снова это сделать.

Героини нуарных фильмов отважны и умны. Они знают, как себя вести, как правильно разговаривать, как выбраться из сложной ситуации. Они всегда на шаг впереди своих преследователей.

Опередить Саймона будет гораздо сложнее.

Его слова до сих пор звучали в моей голове: *Ты не сможешь мне помешать.*

У него есть чем подкрепить угрозы. Деньги. Влияние. Он успешный адвокат с кучей известных клиентов. Представитель судебной власти. Все преимущества на его стороне.

Я же могу рассчитывать только на себя.

Подходя к машине, я заметила, что мне машет сосед, мистер Коэн. Он зовет меня «приемной дочерью» и дает советы о жизни. Сиделка обычно выкатывает его с утра во двор, а сама убирается в доме. Теперь он казался одиноким, всеми забытым – изгнанник, высаженный на необитаемый остров колясочников. Жена давно умерла, единственный сын погиб в Ираке. Мистер Коэн – большой поклонник античности, особенно Древней Греции. Он любит повторить, что он словно Креонт в «Антигоне» – «скорбью научен».

Как, пожалуй, и я.

Мы немного поговорили, и он заметил:

– Ты явно на взводе, Клэр. Что-то случилось?

Я пересказала ему утренние новости об утонувшей девушке.

Он сочувственно на меня взглянул.

Ход его мыслей был ясен. Он беспокоился, что это происшествие разбередит мою боль. Дождь. Беспокойное море. Опрокинувшаяся шляпка. Тело Мелоди в воде.

Я видела свое отражение в его глазах.

Клэр на грани.

Я понимала его волнение.

Он наверняка не раз видел женщин в таком состоянии.

Напряженных. Взвинченных. Нервных. Кажется, вот-вот потеряют самообладание.

Он думает, в таком состоянии женщины способны на все.

Возможно, он прав.

Я села в машину, вставила ключ и завела двигатель.

Выезжая на улицу, я поймала собственный взгляд в зеркале.

Холодный, жесткий, непреклонный. Он испугал меня саму. Мистер Коэн прав: способна на все.

² Роковая женщина (фр.).

2

По дороге на занятие я миновала аукционный дом, где раньше работала. Я больше не бываю там, потому что та Клэр, которую знали коллеги и покупатели, – общительная, дружелюбная, забавная – совсем не та Клэр, что теперь, – измученная, задерганная, вечно настороже: лос-анджелесская версия безумной жены на чердаке.

Мелоди было четыре, когда я впервые взяла ее с собой на аукцион. Макс поехал с нами. Мы гуляли по залам, где висели картины. Мелоди смотрела во все глаза и не могла усидеть на месте. Ее заворожила серия картин под названием «Фантазия». Это был причудливый мир парящих лиц, зрячих деревьев, кораблей с крыльями бабочек вместо парусов. Сплошные диковинки, все шиворот-навыворот. Мелоди они забавляли.

Макс посадил ее себе на плечи. Они составляли единое целое, там, где кончался один, начиналась другая. Гармония их отношений в ее физическом проявлении казалась мне столь же волшебной-прекрасной, как эти картины.

Но теперь я зарабатываю на жизнь, преподавая французский. Язык, которому меня научила мать.

Ее звали Мартина. Она была парижанкой до мозга костей: элегантная, утонченная, с острым умом. Она восхищалась родным языком, и у нее был очаровательный выговор. Французский язык лился из ее уст словно музыка – каждое слово было в нем звучной и чистой нотой.

Я помню, как сидела у нее на коленях и с восторгом слушала, как она повторяет числа, дни недели, времена года.

Они звучали песней в моих ушах.

По вечерам, укладывая меня спать, она говорила: *A demain. Je t'aime très fort. Bonne nuit*³. Эти простые фразы убаюкивали, точно колыбельная.

Она умерла, когда мне было семь. Отец нашел другую, а мне в наследство достался язык, который она научила меня любить, язык, где каждое слово напоминало о ней.

Многие мои ученики думают, что французский – это сказочный язык, который станет их проводником в другую, прекрасную жизнь. Они мечтают переехать в Париж – город света, город любви. В мечтах они наслаждаются вином в бистро. Рассуждают об искусстве. Находят вечную любовь, которая не знает разочарований.

Будь все так просто, весь мир жил бы в Париже.

Язык обозначает, кто ты и что ты чувствуешь. Иногда я говорила Макс: *Je t'aime*. И пускай он не знал французский, смысл моих слов был для него ясен – «я люблю тебя».

Когда-то, в первые годы совместной жизни, пока Мелоди еще не выросла, я говорила эти же слова Саймону.

С тех пор все изменилось.

И Саймону я хочу сказать только одно: *Je vais me battre*.

Это вызов, ведь он хочет, чтобы я отступила перед его могуществом, его угрозами.

Он хочет, чтобы я так или иначе исчезла. Никому нельзя вставать между ним и его желаниями.

Je vais me battre.

Я буду сражаться.

³ До завтра. Я очень тебя люблю. Спокойной ночи (фр.).

* * *

Моя новая жизнь в качестве учительницы французского началась с листовок. Сначала я собиралась убедить потенциальных учеников, что смогу подстроить занятия под их нужды, создам расслабленную атмосферу и проявлю гибкость в том, что касается времени и места.

Ава, моя подруга, предупредила, что мужчины неправильно поймут «гибкость» – как и «расслабленную атмосферу».

– Им только повод дай, – добавила она.

Я восприняла ее предостережение всерьез, поэтому флаер гласит: *Клэр Фонтен, учительница французского* – и ни слова о гибкости и расслабленности.

Я указала электронную почту и телефон, но скрыла адрес, хотя в наше время отыскать его в Интернете не составит труда. Я продублировала объявление на Thumbtack, Craigslist и других сайтах для поиска работы.

Теперь я ехала на занятие и пыталась припомнить то время, когда я была беспечной и доверчивой, когда будущее не казалось мне угрозой, а прошлое – обвинением.

Когда-то я училась в Париже, прогуливалась по легендарным бульварам, ходила в музеи, говорила на языке, который казался мне родным. Это был мой город-убежище, в нем я пряталась от кошмаров детских лет. Тогда мне попалась цитата греческого философа – не помню, кого именно: *мы делаем не то, что можем, – мы делаем то, чего не можем избежать*. В то время это мрачное высказывание не казалось мне насущным или неотвратимым.

Зато теперь кажется.

* * *

Мой путь лежал в район Плайя Виста. Я вожу старенький PT Cruiser, который не вылезает из мастерской: он то и дело хрипит, протекает и разваливается на части. Увидев его впервые, Ава не смогла сдержать смех. Она обозвала его «машиной для лузеров». Но я чувствую странное родство с трясущимися и дребезжащими вещами, которые побывали в разных переделках, но ухитряются оставаться единым целым.

Дзинь.

Я старалась не отвлекаться от дороги. Наверняка кто-нибудь из учеников решил отменить занятие. Или кому-то понадобился учитель французского. Но после утренних угроз Саймона этот звук выбил меня из колеи.

Свернув на обочину, я схватила телефон с приборной панели.

Сообщение от некоего Фила.

Он нашел мой профиль на сайте знакомств OKCupid – я зарегистрировалась там однажды вечером, когда одиночество стало невыносимым.

А ты за4отная! Французский знаешь? Вау!!! И на 42 не тянешь. Зафрендись?

Ава бы ответила саркастичным: *Еще 4его!*

Но к чему эта издевка? Он просто нагрубит в ответ. Ава обожает подзуживать мужчин подобным образом. Она частенько показывает мне, как ее насмешки приводят их в бешенство. Градус повышается. Послания огненными стрелами пронзают киберпространство.

Аву этот обмен оскорблениями только веселит.

А я замечаю, как быстро мужская обида сменяется злостью.

Поэтому я вежливо ответила: *Скоро переезжаю из Лос-Анджелеса, но спасибо.*

Конечно, у меня и в мыслях этого нет.

Но я тут же представила, как впопыхах нагружаю машину вещами и под покровом ночи несусь по автостраде. Меня озаряет свет фар – сзади приближается другой автомобиль. Кто-то преследует меня?

И тут сзади и в самом деле пристроился внедорожник.

Огромный и черный, похожий на танк внедорожник. Я проезжала по бульвару Сансет, и он то приближался, то отдалялся, будто исполнял странный танец. Водителя не разглядеть, переднего номера не было. Определить задний номер не получалось – каждый раз, когда я пыталась замедлиться и пропустить внедорожник вперед, он тут же притормаживал.

Водитель специально избегает сближения или это просто поток машин так движется?

Лишь однажды, на светофоре, он вырулил на соседнюю полосу, но боковые окна оказались наглухо затонированными.

Я представила себе лицо невидимого водителя – непреклонное, расчетливое. Он внимательно смотрит на меня, изучая, словно мишень.

Подходящее слово.

Движущаяся мишень.

Загорелся зеленый, я выжала газ до упора и затем резко свернула в ближайший переулок. В зеркале заднего вида я заметила, что внедорожник проехал прямо.

Вцепившись в руль, я пыталась убедить себя, что водитель внедорожника не имеет ко мне никакого отношения. Я развернулась и поехала по привычному маршруту, то и дело поглядывая в зеркала. На каждом перекрестке я вертела головой направо и налево – вдруг откуда-то снова вынырнет все тот же черный внедорожник: мой простейший маневр едва ли мог обмануть опытного водителя.

Но внедорожника и след простыл.

А что, если это и в самом деле был один из подручных Саймона?

Меня захлестнули радость и гордость от того, что я смогла ускользнуть – совсем как героиня нуарных фильмов.

Я посмотрела в зеркало.

На моих губах, как ни странно, играла улыбка.

* * *

Я продолжала ехать по бульвару Сансет. Черный внедорожник словно испарился.

Но улеглось и мое возбуждение.

Через пару минут, когда я подъехала к дому, ко мне вернулись мои привычные нервозность и настороженность.

Мою ученицу зовут Миа. Ей тридцать один год. Невысокая, хрупкая – и не догадаешься, что она работает корпоративным юристом. Миа недавно начала встречаться с французом, и язык ей нужен для знакомства с его родителями.

– Привет! – Она открыла дверь и посторонилась, впуская меня. – Будешь кофе?

– Нет, спасибо.

Квартира просторная, солнечный свет щедро льется сквозь два люка на потолке. Миа выбрала для декора яркие цвета, но при естественном освещении квартира кажется старой и потускневшей – призрак бального зала.

Мы устроились у нее в кабинете. Миа пила кофе из своей обычной кружки, белой, с большими красными буквами: *Я управляю Вселенной*.

– Я поеду не раньше декабря, – сказала она.

Реми, ее парень, решил повременить с поездкой во Францию. А это значит, что у нее в запасе есть еще полгода, чтобы выучить язык.

Миа слегка улыбнулась:

– Больше времени для занятий.

Она не хотела учить базовые выражения. Ее интересовали только «слова любви» – романтические фразы. Французский для влюбленных.

Миа не может узнать время, заказать еду в ресторане или спросить дорогу. Вместо этого я учу ее нежным и страстным выражениям.

– *Embrasse-moi. Enlace-moi. Aime-moi*, – проговорила я медленно. Поцелуй меня. Обними меня. Люби меня.

Пока Миа, запинаясь, повторяла за мной, я вспоминала, как впервые встретила Саймона. Мелоди тогда было десять. Мы отправились в Музей искусств Лос-Анджелеса, и Мелоди кружила вокруг инсталляции из фонарей у входа. Саймон стоял неподалеку. Казалось, он не решался завести разговор, но в конце концов подошел ко мне.

– Это ваша дочь? – спросил он.

– Да.

Он ослепительно улыбнулся. Эта улыбка внушала доверие.

– Она вырастет настоящей красавицей. – Он перевел взгляд на меня. – Вся в маму.

Не самая изящная фраза для знакомства, но он казался искренним. Как будто мы находились на пороге чудесной истории любви.

Саймон, одинокий мужчина в поисках счастья.

Первая из множества его масок.

Я вспоминаю лепестки роз на подушке и французские конфеты.

Одна большая ложь.

Как дом, который срочно красят перед продажей.

И когда Миа спросила, какое выражение лучше всего описывает влюбленность, единственное, что мне пришло на ум, это —

Fais attention.

Берегись.

3

В полдень мы с Авой встретились в ресторане Little Next Door в западном Голливуде. Ава, уроженка Нью-Йорка, относится к Лос-Анджелесу свысока. Она называет город «пустым» и «безмозглым». И настолько безликим, что однажды она запустила шуточную петицию за то, чтобы Лос-Анджелеса лишили индекса.

По понедельникам мы обедаем вместе и большую часть времени, по словам Авы, рассуждаем, как ветераны «войны полов». Мы обе получили раны, но в разных сражениях. Ее развод был долгим и очень тяжелым, хотя она и заявляет, что вышла из него победительницей. «Мне достался уголь, а ему пустая шахта» – так она любит повторять. Ава даже заказала себе такую наклейку на свою шикарную новенькую «Ауди».

Она не раз повторяла, что ей так и не удалось встретить «любовь всей своей жизни». Она думает, что для меня таким человеком был Макс – и это действительно так. Он был добрым, любящим, терпеливым и понимающим. Воплощение всех достоинств – это стало особенно заметным в тот год, когда он заболел. Мелоди тогда было всего пять лет, и когда она навещала Макса, его боль и тоска отступали. Несмотря на осознание скорого ухода из жизни, он был благодарен за все, что у него было.

Как и я.

Длительное лечение не давало результатов, он медленно угасал.

Впоследствии я размышляла, с каким достоинством он умирал. Он несколько не ожесточился. Под конец у него еще оставались силы прошептать медсестре в больнице: «Вы очень добры».

Это были его последние слова.

Воспоминания о его нежности и великодушии греют душу.

Но он бы разочаровался во мне, узнав, что я сделала той ночью на яхте Саймона.

– Как дела, Клэр? – жизнерадостно спросила Ава.

Я хотела было ответить, но краем глаза заметила, что за соседний столик сел мужчина – высокий, коренастый, в темных очках. Видно, что у него натренированное тело. Что, если это он был за рулем того черного внедорожника, а теперь посмеивается над тем, как ловко он притворился, будто я смогла от него ускользнуть?

Я заставила себя отвернуться и сосредоточиться на Аве. Но ее вопрос вылетел у меня из головы.

– Прости, – сказала я. – Что ты сказала?

Ава озадаченно посмотрела на меня:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да. Ты что-то спросила?

– Я спросила, как дела.

Мне не хотелось рассказывать о Саймоне. Ни о моем письме, ни о его звонке.

Ава на моей стороне, но в то же время ее пугает мысль о том, что я могу пойти против Саймона. Он как осиное гнездо, которое не стоит ворошить. Ава уверена, что любая попытка помешать ему заранее обречена на провал.

– Все по-старому, – ответила я.

– Ладно, пока мы не сменили тему и я не забыла, держи.

Достав из сумочки визитную карточку, Ава протянула ее мне.

– Он заходил сегодня к нам в офис. Мы разговорились, и оказалось, что он хочет выучить французский.

Рэй Патрик, гласила карточка.

Из нее следовало, что Рэй – владелец художественной галереи в районе Мэлроуз. Непонятно было, правда, какого рода искусство его интересует. Наверняка это калифорнийский импрессионизм – я представила полотна, развешанные на бежевых стенах галереи.

Морские пейзажи.

Пустыни.

Парусники, лениво покачивающиеся на волнах у пристани.

– Я вручила ему одну из твоих листовок, – сообщила Ава, – так что жди звонка.

Она заговорщически мне подмигнула.

– У вас есть общие интересы – искусство.

На ее постоянные попытки сводничества я никак не реагирую. Хоть Ава и обожает провоцировать мужчин, но одиноких женщин она при этом едва ли не презирает. С ее точки зрения, я слегка вышла из строя и меня нужно подлатать – совсем как мой PT Cruiser.

– Просто не строй из себя училку, Клэр, – сказала Ава. В ее устах это прозвучало то ли как упрек, то ли как мольба. Она отчаянно пыталась избавиться меня от одиночества.

Ава дотронулась до моей руки.

– Дай бедолаге шанс узнать тебя получше. Думай о любви, Клэр, а не о книжках.

Я вспомнила недавно прочитанную книгу. Автор пытался выявить квинтэссенцию влюбленности. Она основана не на удовлетворении желания, не на радости от того, что ты нашел недостающую половинку. Влюбленность не согревает, не утешает и не придает уверенности. Совсем наоборот. Суть влюбленности, писал автор, – риск. Влюбившись, ты ставишь сердце и душу на один-единственный номер и раскручиваешь рулетку. Прочитав это, я подумала: насколько чуждым мне стал азарт.

Я невольно бросила взгляд на мужчину в деловом костюме. Очки он так и не снял. Он изучал меню – или притворялся, что изучает: то и дело он бросал взгляд вверх. На меня?

Может, и нет, но от напряжения казалось, будто само мое тело стало мне смирительной рубашкой.

Чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, я перевела взгляд на визитку Рэя Патрика, а затем быстро убрала ее в карман. К нам подошел официант.

Я заказала сырную тарелку, Ава – фуа-гра и бокал сотерна. Я, как обычно, выбрала игристое.

– Давай все переиграем, – предложила Ава. – Что у тебя нового?

– Этим утром у пирса обнаружили утонувшую девушку. Это показывали в новостях перед моим уходом.

Что-то во взгляде Авы подсказало мне, что сработал сигнал тревоги.

– Я никогда не смотрю новости, – заявила она.

Это был намек на то, что и мне не стоит. Возможно, Ава считала, что мое душевное равновесие слишком хрупкое и не выдержит жестокой правды жизни.

– Там вечно что-то плохое, – добавила она. – Война. Аварии. Всякие мерзости.

– Их так часто находят, – заметила я. – Убитых женщин.

На фотографиях кажется, будто от них избавились за ненадобностью. Их бросают в канаву. Затаскивают в лес. Вытаскивают из озер, рек и каналов. Человеческий мусор.

– А с чего ты взяла, что эту девушку убили? – спросила Ава. – Может, она случайно свалилась. Или спрыгнула. Вечно ты думаешь о плохом, Клэр.

Она взяла в руку бокал.

– Хватит уже искать везде подвох.

– Саймон женится, – сообщила я.

– Какой бывший муж да не женится снова, – саркастически засмеялась Ава. – На ком-то помоложе и посмазливее. Найдет безмозглую дурочку, которая будет смотреть ему в рот. Лишь бы тебе насолить.

– У его невесты есть дочка Эмма. Ей десять. Мелоди было столько же, когда мы познакомились.

Ава с тревогой посмотрела на меня.

– Хватит, Клэр.

– Там есть их совместная фотография, – продолжила я, не обращая внимания.

– Где?

– В Интернете.

– В Интернете? Ты что, шпионишь за ним?

– Это громко сказано.

– Громко? Следить за кем-то в Интернете – значит шпионить, Клэр! Как, по-твоему, это называется?

Не слушая возражений, она набросилась на меня.

– Зачем ты это делаешь? Что хорошего это тебе даст? Боже, тебе нужно просто жить дальше. Ты ничего не можешь сделать с Саймоном. Ты ведь уже пыталась. Помнишь, чем все закончилось? Тебя арестовали, Клэр. Арестовали! Хочешь снова оказаться за решеткой?

– Нет. Но я не могла не заметить, что Эмма – вылитая Мелоди, когда она была в том же возрасте. По-твоему, я просто должна закрыть глаза и выкинуть это из головы?

Я подалась вперед.

– Они очень похожи, Ава, – настаивала я. – Тот же цвет глаз. Такие же волосы. Фигура. Один и тот же типаж.

Я невольно повысила голос и говорила с излишним пылом. На меня начали было оглядываться окружающие, но затем, пожав плечами, вернулись к своим беседам и еде.

Ава сделала глоток.

Я откинулась на стул и попыталась успокоиться.

– Я знаю, что он задумал, Ава, – сказала я уже гораздо тише. Мой голос под контролем. Сдержан. Словно моей душе вкололи успокоительное.

– У тебя нет никаких доказательств, Клэр, – примирительным тоном сказала Ава.

Она пыталась снизить обороты, потушить огонь внутри меня.

– Ни малейшей улики, – добавила она.

Она была права. С юридической точки зрения у меня не было никаких доказательств того, что собирается сделать Саймон. Но я знала, каков он на самом деле, когда не прячется за коллекцией масок. Я видела его настоящее лицо. Если бы я могла написать его портрет, используя палитру правды, там были бы рога и клыки.

Аву все это не переубедило бы, и я не стала спорить.

Нам подали еду – все было сервировано со вкусом, во французском стиле.

Когда мне было шесть, мы с мамой отправились в Париж навестить ее родителей. Они прожили в столице всю свою жизнь, были свидетелями его самых черных дней. Моя прабабушка махала на прощание прадедушке, когда тот садился на поезд, который отвез его на Верденскую мясорубку. Двадцать лет спустя мои бабушка и дедушка безмолвно наблюдали, как немецкие войска шествовали по Елисейским Полям, и их сердца обливались кровью. *Это Город Света*, однажды сказала бабушка, *но это и Город Слез*.

Мама была уже смертельно больна, и это была наша последняя поездка в Париж. Ей тяжело давалось путешествие, но она хотела, чтобы мы в последний раз прогулялись по городу вместе, поэтому она переносила боль и нехватку сил с удивительной стойкостью. Она кашляла и морщилась от боли, а я тем сильнее восхищалась ею.

Мама отвела меня в парижскую кондитерскую, где продавали крохотные марципановые персики. Смотри, сказала она, какие нежные прожилки на каждом листочке, как светится красноватая мякоть. Персики были всего-навсего смесью миндаля, сахара и воды, но в руках кондитеров они каким-то образом оживали.

– Именно ради этих мгновений красоты и стоит жить, Клэр, – сказала она.

Когда Мелоди исполнилось шесть, мы с ней тоже отправились в Париж навестить бабушку и дедушку.

Я отвела ее в ту самую лавку, показала те самые марципановые персики и повторила те же самые слова.

Это одно из самых драгоценных моих воспоминаний, но теперь кажется, будто даже самые чудесные мгновения моего прошлого случились в другом, гораздо менее чудесном мире.

Я вернулась в настоящее и сосредоточилась на мыслях о том, что сделает Саймон.

– У меня есть все нужные доказательства, – заявила я Аве, давая понять, что на этом тема закрыта.

Ава, похоже, только этого и ждала.

– В общем, ты должна открыться.

– Открыться?

Она улыбнулась:

– Для любви, глупышка.

Я подумала о Филе.

Его сообщение на сайте знакомств было даже менее глупым, чем фотографии, которые присылают некоторые мужчины, – вот они позируют перед сверкающими бассейнами в одних шортах, демонстрируя свои тела. В мире, где все распускают хвосты, будто павлины, Фил выглядит скромником.

– Клэр, ты молодая, привлекательная и умная. И ты говоришь по-французски, что уже само по себе возбуждает.

Я с сомнением посмотрела на нее.

– Ну, как минимум придает романтический флер, – поправила она.

Мой взгляд выражал еще большее недоверие.

Ава отмахнулась.

– Я просто пытаюсь сказать, что у тебя есть все, что нужно. Пора перевернуть страницу. Начать новую главу. Вот и все.

Я понимала, что она имеет в виду, но разве можно так просто упрятать прошлое поглубже в шкаф и выбросить ключ?

Вместо этого я снова подумала о звонке Саймона и позволила тьме обступить меня.

Я обернулась, чтобы посмотреть на мужчину в темных очках. Он исчез.

* * *

После обеда с Авой у меня оставалось полчаса до следующего занятия. Я сидела и читала книгу о музах. Мне нравились Талия, муза комедии, и Клио, муза истории. Но больше всего меня волновала судьба Мнемы, изобретательницы языка. Это самая печальная из муз, она не может избавиться от воспоминаний.

И снова картина из прошлого.

Наша с Саймоном спальня на третьем этаже. Я стою у окна и смотрю на бассейн. Мелоди тринадцать. Она плавает кругами, ее длинные белые ноги мерно ударяют по воде. Саймон сидит в шезлонге, завернувшись в белый халат, на котором золотом вышиты его инициалы. Его руки спокойно лежат поверх халата. Он не сводит взгляда с Мелоди, которая уплыла к дальнему краю бассейна, и тут одна рука начинает ползти вверх по бедру и исчезает между коленями. Пальцы пробрались под халат, но тут он заметил меня у окна, отдернул руку и помахал мне, широко улыбаясь.

Удивительно, что я поверила этой улыбке.

И приветственному взмаху руки.

Как я могла быть настолько слепой?

Как я могла ничего не заподозрить, когда его пальцы воровато скользнули под халат?

Не догадаться о том, какой извращенный ход приняли его мысли?

Теперь у меня нет никаких сомнений, что в тот самый момент он находился в тисках непристойного удовольствия. Каждое воспоминание о том, как он берет Мелоди за руку, омерзительно. Я не могу думать о том, как он клал руку ей на плечо и держал за талию, когда учил танцевать. Тень его желания омрачает каждое воспоминание, где они вместе.

Мои терзания прервал звук входящего сообщения.

Мне писал Мехди, с которым у нас было шесть занятий. Он прислал снимок в короне из «Бургер Кинга»: «Видишь, я и правда король Персии».

Вообще-то Мехди флорист. У него несколько шикарных цветочных бутиков в Лос-Анджелесе. Ему сорок шесть, он разведен, и у него есть шестилетний сын. Жена изменила ему, и гордость Мехди была растоптана. По его словам, он работает над восстановлением самооценки. Для этого он записался в спортзал. Качает плечевой пояс. Отжимается на параллельных брусьях. Он присылает видео с тренировок. Его сила должна произвести на меня впечатление. А вместо этого я вижу лишь муху в банке, которая тщетно бьется о стекло.

Я вернулась к чтению. Желая сделать книгу доступнее для широкого круга читателей, автор приводил в пример «современных муз». В качестве современной музыки музыки он выбрал Йоко Оно, но она меня не заинтересовала. Гораздо сильнее меня поразила Мэй Пэнг, любовница Леннона. Они встречались полтора года, а для Леннона это был всего лишь «потерянный уик-энд».

Как могут любовники настолько по-разному воспринимать время? Но разве мы с Саймоном не в той же ситуации?

Я боюсь, что время, отпущенное мне для действий, вот-вот истечет. А он уверен, что у него в запасе есть целая вечность.

Прочитав еще несколько страниц, я закрыла книгу и подошла к машине. Всего-то и нужно было разблокировать ее и открыть дверь, но я внимательно осмотрелась вокруг. Меня так и подмывало опасное желание видеть во всем угрозу. Все здесь работают на Саймона. Случайные прохожие. Автомобилисты. Вон тот мужчина с граблями во дворе. Он отложил грабли и посмотрел на меня, я застыла. Я почти уверилась, что это Саймон под одной из своих личин. Одежда цвета хаки. Лицо предусмотрительно скрыто шляпой с широкими полями.

4

Мой следующий ученик – Доминик. Ему шестнадцать. Родители беспокоятся, что он, как говорит его отец, «всегда стремится к самому низкому общему знаменателю». Доминика заставили учить французский для «культурного обогащения». У него нет другого выбора, он вынужден заниматься. Но его единственная страсть – компьютерная игра, где он пачками истребляет «сущностей», о чем с готовностью и рассказывает мне по-французски.

Меня тревожит, не зарождается ли в нем психопат.

– Как по-французски будет «потрошить»? – спросил он как-то раз.

На фоне Доминика занятия с Мехди – просто цветочки.

Ну почти.

Мехди открыл дверь, широко улыбаясь.

– А вот и моя королева.

Я вошла в прихожую, сделала еще несколько шагов и развернулась, прижимая к груди сумочку точно щит.

– Прошу в столовую, – сказал Мехди. – Я приготовил нам... *repas*⁴.

– Я уже поела, – ответила я.

– Но это особенное угощение. Трапеза для королевы.

Его губы, будто червяк, изогнулись в улыбке.

– Или правильное сказать, *la reine*?⁵

На первых порах Мехди держался в рамках приличий. Однако пару недель назад он начал давать мне советы о жизни. Он заявляет, что я должна «правильно питаться», больше спать, отдыхать по вечерам, ходить на массаж. Он пишет длинные послания во внеурочное время, предлагая психологическую помощь. Я должна быть сильной, доверять себе и «открыться другим», написал он в прошлый вторник – в три часа утра.

Он проводил меня в столовую, где уже были приготовлены сладости, мисочки с орехами и сухофруктами.

Эти подношения он выставил как на витрине. Все поступки Мехди – попытка выставить себя в ярком свете – вроде прожектора, который освещает небо Голливуда в ночь премьеры. Он не просто звезда собственного блокбастера, он еще и единственный актер.

– Прошу. – Он указал на стул.

Мехди невысокий, коренастый, с залысинами, но в нем есть какая-то концентрированная сила. Он говорит напористо, быстро перемещается. Его внутренний двигатель всегда заведен.

Мне пришлось повторить, что я не голодна.

– Ладно, – Мехди немного сник, – начнем тогда.

Он подошел к столу.

– Мы же можем заниматься здесь?

⁴ Здесь – угощение (*фр.*).

⁵ Королева (*фр.*).

Столешница была прозрачной, и я задалась вопросом, не в этом ли его основной план? Стол, через который видно все. Я села, стараясь принять как можно более скромную позу. И все равно он не сводил глаз с моих ног.

– Отлично выглядишь.

Голос мягкий, но за этим вроде бы невинным комплиментом скрывалось какое-то напряжение, едва сдерживаемые порывы. Я представила, как в детстве он отнимал у другого ребенка конфетку, а затем его заставляли ее отдать.

Я достала из сумки учебник и положила его на стол так, чтобы прикрыть ноги.

– Я отвезу тебя как-нибудь на пляж на Кайкосе⁶, – сказал Мехди. – Мы будем греться на солнышке с охлажденным шампанским в руках. Песок там белоснежный. Только мы вдвоем, Клэр и Мехди.

Я пропустила мимо ушей это предложение и продолжала занятие.

В оставшийся час Мехди больше не заикался о живописных пляжах Кайкоса.

Но когда я собралась уходить, он предложил с улыбкой:

– Как насчет занятий дважды в неделю?

Деньги были мне нужны, но я колебалась.

– Я сверюсь с расписанием и сообщу.

Затем я села в машину и уехала. На полпути к следующему ученику мне пришло сообщение от Мехди. Он прислал свою фотографию в длинном персидском наряде: «Возможно, ты станешь моей королевой».

Это всего-навсего сообщение, но оно навязчивое, как нежелательное прикосновение.

Мне хотелось, чтобы Мехди исчез. Хотелось ответить ему резко: «Оставь меня в покое!»

Но меня остановил хор ежемесячных счетов.

«А ну, тихо», – заявил арендный платеж.

«Разбежалась», – фыркнула кредитка.

Но, смиряясь, я чувствовала, будто теряю часть себя, словно штрихи на автопортрете – крупница самоуважения, проблеск достоинства, яркие краски моей личности – тускнели или исчезали.

5

Когда я вернулась домой, было уже почти девять вечера.

Я приготовила на ужин пасту с жареными овощами. Напротив меня стоял пустой стул – словно упрек. Это место Мелоди.

Я переносюсь в будущее и воображаю, что она сидит рядом с мужем, а на коленях у нее ребенок.

Затем мои мысли отправляются в прошлое, в день моей свадьбы.

Это была простая роспись в здании суда, местный судья поженил нас с Максом в невзрачном кабинете.

Простой интерьер только подчеркнул сдержанную красоту наших клятв.

*Быть рядом
В радости и горе,
В бедности и богатстве,
В болезни и здравии,
Пока смерть не разлучит нас.*

⁶ Острова Теркс и Кайкос находятся неподалеку от Багамских островов.

Это воспоминание гаснет, и другое подкарауливает меня в темноте: Саймон, совершенно неотразимый во фраке, и я, облаченная в великолепное дорогостоящее платье.

Большая церковь со сводчатым потолком.

Роскошные букеты, источающие сладостный аромат.

Струнный квартет играет Моцарта, а влиятельные друзья Саймона занимают свои места.

Пытаясь забыть об этой пафосной церемонии, я прошла в гостиную, раздвинула шторы и выглянула в окно. Кого я ожидала там увидеть? Пешек Саймона?

Эти страхи беспочвенны, сказала я себе, но тут зазвонил телефон, и я замерла. Еще один звонок. И еще.

Я не брала трубку, хотя знала, что должна.

Я ответила только на пятом звонке.

Это был Рэй Патрик – тот самый потенциальный ученик, о ком говорила Ава.

– Я хотел бы выучить французский, – сказал он. – Ваша подруга Ава дала ваш номер.

Помолчав, он добавил:

– Я часто бываю во Франции по делам и хотел бы подтянуть свои знания.

Я спросила, учил ли он уже язык.

Он ответил отрицательно.

– Ну, я знаю *oui* и *non*⁷, – добавил он.

Я озвучила свою ставку: 50 долларов в час.

– Хорошо, – ответил Рэй Патрик. – Где встретимся?

– Рядом с вами есть «Старбакс»?

– Я могу подъехать в тот, что на Беверли-драйв.

Мы договорились встретиться на завтра после обеда.

Прежде чем я успела положить трубку, он сказал:

– Я слышал, вы изучали искусство. Возможно, вы захотите взглянуть на мою галерею. Я имею в виду сайт. Адрес – *rpgallery.com*, все с маленькой буквы. Мне интересно ваше мнение.

– Хорошо, я посмотрю.

Я подошла к компьютеру и набрала адрес. Галерея Рэя Патрика была очень приятной и хорошо организованной, к моему удивлению, в ней были представлены разные стили. Я выбрала виртуальный тур, сделала пару заметок и выписала несколько слов, которые могли пригодиться ему в разговорах с художниками или владельцами галерей во Франции.

Затем выключила компьютер, взглянула на часы и поспешила к машине.

Вот уже несколько месяце, как я стала куратором девушки по имени Дестини. Она жила в паре кварталов от дома престарелых, где мы встречались раз в неделю.

О своем прошлом она не распространялась. Разве что сказала, что родом из «захолустья»: под этим она подразумевала городишко на Среднем Западе. За ее спиной неблагополучное детство и юность, но подробности мне неизвестны. Дестини предпочитает говорить о будущем, мечтать обо всем подряд: как у нее будет свой магазин одежды, или конная ферма, или, заявила она на нашей последней встрече, компания по организации банкетов – она недавно познакомилась с владелицей подобной фирмы, а чем она хуже?

И хотя она не любит говорить о прошлом, потому что оно «затягивает», мне удалось выяснить, что у нее есть старший брат, который постоянно ее задирает, и младшая сестра, «мелкая стерва». Она никогда не называла ни их имен, ни адресов – казалось, она не желает больше никого из них видеть.

Ее чувства к родителям едва ли теплее. Дестини только однажды заговорила о них:

– Может, они умерли. А может, живы. Мне плевать.

Это не похоже на позу. Кажется, ей и в самом деле все равно.

⁷ Да, нет (*фр.*).

По отдельным замечаниям я поняла, что Дестини не блистала в учебе: при малейших трудностях она сдавалась и всегда выбирала наиболее простой путь.

Какое-то время она раздумывала, не записаться ли ей в армию, но ее останавливали психологические и физические нагрузки, которыми сопровождается подготовка солдат.

Самая шокирующая история, которую я от нее слышала, была о том, как ей едва удалось спастись от мужчины, который познакомился с ней на улице, пригласил домой, а потом попытался изнасиловать. Она лишь однажды упомянула об этом. Это был «старик», сказала она: это значило, что ему было «за сорок».

Какое-то время Дестини была бездомной. Ее парень исчез, и ей пришлось бродяжничать и ночевать где попало. Однажды она добралась до пляжа Венис-бич, и там ее заметил социальный работник.

Но кроме этих отрывочных и, возможно, не всегда достоверных сведений, я ничего о ней не знала.

Дестини ждала меня в специально отведенной комнате. Короткая стрижка, черные торчащие волосы – будто подстригал их наркоман. Спина, плечи и руки забиты татуировками. По ее словам, на других частях тела у нее тоже есть наколки. Из видимых – змеи и виноградные лозы, а также инициалы «ЧД», набитые сатанинским шрифтом. ЧД значит «Черная дыра» – единственное прозвище, которым она удостоила пропавшего бойфренда. В носу, ушах и губах виднеются проколы. Металлические шипы пришлось вынуть, потому что они «пугали народ» в круглосуточной закускойной, где она работала официанткой.

Порой, разговаривая с Дестини, я представляла, что Мелоди тоже сбежала из дома и рассказывает какой-то незнакомке, как ее жизнь пошла под откос. Но даже это будущее было бы лучше. Пусть она пережила тяжелые времена, но смогла выкарабкаться. Мою дочь лишили этой милости – она уже не сможет преодолеть препятствия, чтобы добиться будущего, о котором мечтала.

– Привет, – с энтузиазмом помахала мне Дестини. Не знаю, правда ли она была рада меня видеть.

В этот вечер разговор крутился вокруг ее работы. Все довольно неплохо, начала Дестини. Только вот есть одна девица в закускойной, Мюриэль. Они терпеть друг друга не могут. Во всем виновата зависть. У Дестини хорошая фигура – а Мюриэль толстуха. Дестини помнит, кто что заказал, – Мюриэль вечно подает суп тому, кто заказал бургер, и наоборот. Посетители то и дело флиртуют с Дестини – до Мюриэль никому и дела нет.

– Мюриэль – жирдяйка. Я тут при чем?

Помолчав, она добавила:

– Ты как язык проглотила, Клэр.

– Извини. День выдался долгий.

Дестини простила такое пренебрежение. У нее тоже бывают долгие дни, сказала она понимающе.

После чего с обычной быстротой перескочила на другую тему.

– Прикинь, что странно, я типа скучаю по своим шипам. Я была, ну скажем, Дикой Дестини.

– А тебе нравится быть дикой? – спросила я.

Она ответила не сразу.

– Я имею в виду не буйной, а свободной, – улыбнулась она. – Раньше я просыпалась на Венис-бич. Солнышко там, океан. Я гуляла по пирсу... и была свободной.

Она имела в виду пирс Санта-Моники, и я рассказала ей об утонувшей девушке.

– Отстой, – заметила Дестини, не осознавая, что на месте утопленницы могла быть она. Что вместо разговора со мной ее ждал бы морг. Но Дестини снова переключилась на Мюриэль.

– В прошлую смену она пожаловалась, что у меня ногти черные, – сказала она. – Заявила Кэлу, что это отвратительно, типа у меня ногти грязные. Он заставил меня перекрасить. Вот, полюбуйся.

Она подняла руки и помахала пальцами.

– Как тебе?

Ногти были фиолетовыми.

6

Домой я вернулась к девяти.

В некоторых комнатах я не выключала свет и, подъезжая к дому, представляла, будто меня ждут внутри. Вот Макс читает на диване исторический роман, но, едва заметив меня, откладывает книгу. А вот Мелоди, делает домашнее задание за кухонным столом в надежде, что все верно. Макс помогает ей с математикой, а я с правописанием.

Моя прошлая жизнь.

Тогда у меня был муж, которого я целовала по ночам, и дочь, которую я обнимала перед уходом в школу. Те, с кем я ужинала и ходила по магазинам, те, кому я могла доверять, с кем могла делиться... чем угодно.

Теперь при одной мысли о людях в доме меня охватывает страх перед Саймоном, и я представляю громилу в мешковатом спортивном костюме – он приближается ко мне, постукивая резиновой дубинкой. Я поворачиваюсь к двери, мечтая сбежать, но путь мне перекрыл другой бандит. На его широченном запястье болтается, будто браслет, рулон черной клейкой ленты.

И хотя я понимала, что у меня просто разыгралось воображение, я заглянула в окна, прежде чем войти. Если меня застукает за этим занятием мистер Коэн, он насторожится, но тут уж ничего не поделаешь.

Я зашла и тщательно осмотрела все двери и окна.

Все в порядке. Никакой опасности.

Я прошла по коридору в спальню, оттуда – в ванную.

Я смыла макияж, умылась, почистила зубы, затем разделась и забралась в постель.

Вечерние новости шли по обычному расписанию – дорожные происшествия, пробки, пожары, постановления муниципалитета. Ни слова об утонувшей девушке.

Я выключила телевизор и схватила с тумбочки книжку о мумбайских танцовщицах. Каждую ночь мужчины пачками валят в бары в районе Мира Роуд. Обычно они просто размахивают перед девушками пачками денег, но иногда еще делают ожерелья из рупий и накидывают на шею любимым танцовщицам. «Мужчины думают, что я танцую для них, – говорит одна из девушек, – но на самом деле это они танцуют для меня». Едва ли она осознает опасность, которой подвергается, хотя в мутных водах реки Митхи то и дело находят тела танцовщиц.

Почитав с полчаса, я закрыла книгу и выключила свет. Я то засыпала, то просыпалась, то снова погружалась в сон.

В конце концов я сдалась и включила компьютер, чтобы проверить электронную почту.

Одно из писем, длинное и довольно бессвязное, было от Мехди – про жену, которая ему изменила.

Он часто называл ее «женщиной-вамп», хотя внешне этого не скажешь. Ему пришлось убедить себя, что она красотка, ведь некрасивая жена умаляла бы его достоинства как мужчины. Но есть объективная истина, и на тех снимках, что я видела, у нее острые черты лица, а взгляд чуть ли не враждебный и недовольный, словно ее бесит любопытствующий объектив.

В современном Иране, писал Мехди, такую «потаскушку» забили бы камнями до смерти. Он тут же оговорился, что он-то «цивилизованный человек» и не одобряет этого. Ха-ха, просто к слову пришлось.

К слову, ага.

Иногда я представляю его в толпе мужчин, закидывающих камнями изменницу – руки связаны по бокам, сама она по пояс в земле. Будет ли он ликовать, когда камень разобьет ей лицо или сломает кость?

Ближе к концу письма Мехди переключил внимание на меня. Он купил иранские фисташки и финики, чтобы угостить меня на следующем занятии.

Еще он предлагал нарисовать листовку посимпатичнее, чтобы привлечь новых клиентов. Он хотел «поддержать» меня.

В представлении Мехди я слабая женщина, которая нуждается в его советах и руководстве.

Это в равной степени бесцеремонно и оскорбительно.

Чтобы отвлечься, я снова включила телевизор. Показывали старую добрую «Двойную страховку». Барбара Стэнвик – просто бомба. Эти ее черные очки и свободные наряды. То, как она плывет по лестницам. Прямо чувствуешь, как от нее исходит жар, когда она проходит мимо Фреда Макмюррея. Ни одного прикосновения – но они словно исполняют некий темный эротический танец похоти и смерти.

Зазвонил телефон.

Я сказала себе, что бояться нечего. Наверняка кто-то из учеников в последний момент решил отменить занятие. Или Аве опять не спится.

Это не Саймон, говорила я себе. Но это оказался именно он.

– Не бросай трубку, Клэр. Я хотел извиниться за свою резкость.

Мастер манипуляции. Не одно, так второе. Одна маска, затем другая. Этот трюк всегда срабатывает.

– Прости меня, – продолжил он. – Я только затем и звоню. Прости за наш последний разговор. Он закончился не на той ноте.

Под не той нотой он подразумевал, что ему не удалось убедить меня исчезнуть из его жизни.

Я промолчала, но он не сдавался.

– Мы сможем встретиться? Это и в твоих интересах тоже.

Ложь, и он прекрасно об этом знает. Он хочет убедить меня в том, что все, во что я верю, – лишь плод воображения.

Следующим номером меня ждет притворная жалость. Я поспешила пресечь ее.

– За мной кто-то следит? – брякнула я.

– Следит за тобой?

Его удивление казалось искренним.

Но я на это не куплюсь.

– Ты нанял кого-то следить за мной, Саймон?

Удивление переросло в изумление.

– О чем ты вообще, Клэр? Зачем мне это?

– Да или нет?

– Нет!

Сейчас он притворится обиженным подобным обвинением. Невинная жертва голословных обвинений.

– Господи, Клэр, ты совсем, что ли...

Не договорив, он резко сменил тон. Теперь он мягок и полон заботы.

– Клэр, ты серьезно считаешь, что я...

– По-твоему, у меня галлюцинации, Саймон?

Он устало выдохнул.

– Никто не следит за тобой, Клэр, – сказал он. – Понятно? Никто за тобой не следит.

Помолчав, он добавил спокойным, рассудительным тоном:

– Но если... если тебе кажется, что за тобой следят, я могу помочь.

– Помочь? – огрызнулась я. – Избавиться от моих навязчивых видений?

– Я имею в виду, я могу отправить тебя... отдохнуть.

Психушка – вот он о чем. Лечебница для моего измученного разума. Маленький уютный санаторий в горах, где я смогу прийти в чувство.

– Не волнуйся, Клэр. Все расходы я возьму на себя.

– Мне не нужны твои деньги, – возмутилась я. – Я не сумасшедшая, Саймон. Я знаю, что ты сделал.

– Клэр, прошу тебя, я всего лишь хочу...

– Нам не о чем больше разговаривать.

– Хорошо. – Саймон вздохнул как человек, уставший вести спор без возможности одержать верх. – Не смею тебе надоедать.

Будто палач, который извиняется за топор. Вот истинный смысл его звонка. Теперь он может сказать себе: ну что же, я дал тебе последний шанс. Ты им не воспользовалась. Теперь пеняй на себя.

– Прощай, Клэр.

Его последние слова прозвучали как приговор – или это мне мерещилось от страха? Я положила трубку и зашла в гостиную.

Здесь на стенах висят разные репродукции. «Мать и дитя» Мэри Кэссетт. «Синее лицо» Марка Шагала. В этот раз взгляд зацепился за картину, на которой Ван Гог изобразил спальню в Арле. Тревога проступает в каждом мазке, и все же художнику удалось найти нечто прекрасное в своей жизни. Если бы мы все это умели, все стены были бы увешаны шедеврами.

Автоотвечик мигал: новое сообщение. Его оставил мой отец, его голос сух и старчески надтреснут.

– Привет, Клэр. Прихватишь с собой завтра пончики?

Завтра.

Вторник.

Мой еженедельный реверанс в сторону наших родственных связей.

Я удалила сообщение и вернулась в спальню.

На тумбочке я храню две фотографии Мелоди. На первой ей пять лет – она счастливо улыбается, сидя на руках у заботливого отца.

На второй фотографии Мелоди четырнадцать. Ее лицо отчетливо дает понять – случилась беда. Она кажется странно отрешенной и болезненной, словно ее гложет страх, которым она не в силах поделиться.

Эти две фотографии стоят бок о бок.

Разделяют мою жизнь на два периода.

До и после Саймона.

Я взяла в руки вторую фотографию Мелоди. Она была сделана за год до той поездки на Каталину.

За год до того вечера, когда я застала ее под дождем на палубе.

Когда она рассказала мне о Саймоне.

Когда я ей не поверила.

Я молча разглядывала фотографию, но словно наяву слышала обещание, данное самой себе:

Я не дам ему снова это сделать.

Часть II

Слоан

1

Став пожирателем грехов, я задумалась над происхождением этого выражения. В древности пожиратель грехов был кем-то вроде магической фигуры – он заходил в дом умершего и съедал ритуальную пищу. Всего-то корочка хлеба и глоток местного пива, чтобы легче было проглотить. Важно другое – эта пища впитала в себя грехи мертвеца, и в процессе поедания они отпускались. В загробную жизнь умерший входил свободным от своих злодеяний.

Современную версию пожирателей грехов в Лос-Анджелесе зовут чистильщиками или решалами. Разумеется, еда тут больше ни при чем. Самый распространенный мотив – это власть, деньги или месть. Реже речь идет о чем-то отвлеченном, например восстановлении репутации. Совсем редко задача состоит в том, чтобы научиться снова доверять людям после того, как твое доверие однажды предали.

Когда я уволилась из полиции, эта профессия казалась самым логичным выбором. Я умела расследовать преступления и знала, как устроен суд, как рассуждают адвокаты, как заключают соглашения о признании вины. Знала, как убедить сомневающихся, как вести переговоры, не переходя на эмоции, как вести себя с теми, кто преисполнен чувства собственной значимости. Я умела хранить самообладание и уговаривать тех, кто не желал сотрудничать. Когда нужно, я была жесткой, но всегда открытой к диалогу. Не в последнюю очередь сыграло свою роль и то, что в этом бизнесе не нужна лицензия и мне не нужно было тратить время на обучение. Путь пожирателя грехов лежал прямо передо мной. Мне оставалось лишь заказать вывеску.

Судя по всему, одно осталось в этой работе неизменным с незапамятных времен: пожирателю грехов не нужно много места.

И мебели, если уж на то пошло. В моем офисе на бульваре Венис есть только стол, компьютер, картотека и подсобка, где хранятся нужные вещи. Предметы маскировки: куча париков и широкий выбор солнцезащитных очков. Поддельные бланки. Записывающие устройства. Камеры видеонаблюдения и GPS-маячки. Сейф, где лежат несколько сотен тысяч долларов наличными и автоматический пистолет калибра 9 мм – на него у меня есть официальное разрешение.

Сама работа нехитрая, как и все эти инструменты. В двух словах, я просто подчищаю за теми, у кого есть громкое имя и туго набитый кошелек. Я делаю все, чтобы они не заплатили за свои безрассудные поступки. Успокаиваю разъяренных жен и любовниц. Делаю так, чтобы имя моего клиента не всплывало в полицейских сводках или в суде. Удостоверяюсь, что нежелательные доказательства его проступков изменены или исчезли. Как правило, все решается деньгами, разнится только сумма. Пожиратели грехов должны сбивать цену, убеждая склочников, что их клиент – не денежное дерево, чьи вечнозеленые листья можно обрывать до бесконечности. В каком-то смысле я нахожусь между двух огней. Половину времени я уговариваю одну из сторон прислушаться к голосу рассудка. Другую половину я занимаюсь тем же с другой стороной.

– Доброе утро, – поприветствовал меня Джейк, когда я вышла из лифта.

Джейк – детектив по расследованию убийств в отставке, ныне частный сыщик. Он арендует офис по соседству, дверь у него обычно нараспашку, так что он всегда в курсе, когда я

прихожу и ухожу. Он любит поболтать, но после смерти отца я утратила склонность к разговорам ни о чем.

Джейк высокий и довольно грациозный. Если верить ему, когда-то он был похож на кинозвезду. Вообще-то он шутит, но в молодости он явно был хорош собой. Внешне он напоминает Чарльза, единственного парня, с кем у меня были длительные отношения.

Чарли положил на меня глаз на новогодней вечеринке, которую устраивала его юридическая контора. Он поверить не мог, что «красотка» может быть копом. Три месяца спустя я переехала в его квартиру в Вествуде. Мы долго жили душа в душу, собирались пожениться, завести детей. Но между нами встала моя работа. Чарли было тяжело выносить мое постоянное напряжение и одержимость. Он хотел, чтобы я уволилась, но я лелеяла мечту однажды стать комиссаром. Чарли говорил, что эта должность нужна мне только потому, что отец не смог ее добиться. Вероятно, он был прав, но мне было все равно. Мы спорили. Все пошло под откос. Я съехала.

Но без него стало только хуже.

Работа вынула из меня всю душу.

Через два года я ушла из полиции и стала пожирателем грехов.

Первый год выдался крайне трудным. Меня, новичка в этом бизнесе, никто не знал. Клиентов было кот наплакал. Но со временем они начали прибывать. Через три года у меня сложилась репутация человека, который решает проблемы «мирным» путем, полагаясь на разум, а не силу. Нужен громила? Вам по другому адресу. Но если вам нужен был пожиратель грехов, который досконально разберется в ситуации, а затем решит ее без сучка без задоринки, все знали – *обратитесь к Слоан Уилсон*.

Неожиданнее всего было то, что с годами я полюбила эту работу. В ней было место добру. Она предполагала урезонивание и сдержанность. Никаких запугиваний и угроз физической расправы. Никаких криков в лицо. Просто слушаешь, как люди изливают душу: как их использовали, предали, обманули, оболгали. Понимаешь, чего они действительно добиваются в качестве компенсации, и действуешь соответственно.

Как однажды заметил один клиент, в моем стиле работы заметна «женская рука».

После пяти лет работы я и думать забыла о возвращении в полицию. Я нашла свое призвание. Хорошее призвание. И я была почти – почти совсем – счастлива.

Отец заметил эти изменения. Мы никогда не обсуждали мое увольнение из полиции.

– Все будет хорошо, – сказал он мне незадолго до смерти.

Мне казалось, что он прав. Он считал, что оставляет меня на правильном пути, – и это меня приободрило.

Но мою радость омрачало понимание, что я не смогу больше делиться с отцом своими маленькими победами. Эта мысль мучила меня и по дороге в офис тем утром.

– Хорошо спалось? – жизнерадостно спросил Джейк, когда я проскользнула в открытую дверь.

– Ага, – ответила я.

Вранье.

– Хорошие сны снились? – широко улыбаясь, добавил Джейк.

– Как всегда.

Очередное вранье.

Вообще-то я снова проснулась на рассвете. Меня и без того измучила бессонница, а тут еще этот кошмар. Этот сон постоянно снится мне с тех пор, как умер отец.

Город вокруг меня рушится. Повсюду беспорядки, бунтовщики бьют окна, переворачивают машины, поджигают здания. Словно этого мало, идет проливной дождь, ледяной и маслянистый, по стеклам стекают черные ручьи. Я пытаюсь провести отца сквозь этот хаос. Он умирает, но где-то в лабиринте этих зданий скрыт аппарат, который сможет его спасти.

Я пытаюсь отыскать его. Но никогда не нахожу.

Этот кошмар не отпускал меня всю дорогу до офиса. Чтобы отвлечься, я с головой нырнула в разнообразные проблемы клиентов. У голливудского актера средней руки проблема с отцовством. Бульварная газетенка написала нелюбимую статью о режиссере – следует ее замять. Топ-менеджера шантажируют, и я должна убедить шантажиста найти занятие получше.

Я усердно работала, и тут Джейк просунул голову в кабинет и сказал, что я должна превратиться на обед. Есть мне не хотелось, но он не любит есть в одиночестве.

За обедом Джейк завел разговор о семье, внуках, шутке, которую рассказала ему жена. Он болтал, а я смотрела, как дети весело играют на школьном дворе на другой стороне улицы. Энергия так и била из них ключом.

– Играешь в молчанку? – спросил Джейк.

Я выдавила улыбку, изобразив веселье.

– Нет, просто задумалась.

Джейк не стал настаивать. Вместо этого он заговорил о деле, над которым работал. Тело Виолы Уокер обнаружили в ее гараже в Brentwude. Ее убили выстрелом в затылок. Никаких следов сексуального насилия. Согласно описи, при себе у нее была сумочка Hermes Vieu из крокодиловой кожи: стоит она нехило – 68 тысяч долларов. Внутри был серый кожаный кошелек Gucci, набитый купюрами разного достоинства, в основном сотенными, – всего четыре тысячи долларов. Грабеж как мотив смело можно отместить. Муж Виолы нанял Джейка провести расследование, а заодно проконтролировать, как идет официальное полицейское расследование – это Джейк мог легко сделать через свои контакты в участке.

– Вероятно, это послание мужу, – сказал Джейк. – Может, он пытался кого-то надуть, да не на того напал.

– Почему тогда не убили мужа?

– Убийце нужны деньги, а жена тут ничем не поможет. Скорее всего, она и понятия не имела об этом. – Он отпил кофе. – Смерть застала ее врасплох.

Быстрая смерть – не так уж плохо. Мой отец умирал восемь месяцев. Иногда я смотрела на него во сне и думала, что при пробуждении его ждет только боль. Пуля в голову казалась актом милосердия.

– В общем, муж уверен, что полиция хочет повесить убийство на него. Моя задача – найти другого подозреваемого.

Я перевела взгляд на соседнее здание. Раньше это был кинотеатр, теперь – банк. Мама однажды сводила меня туда в кино. Ей тогда было лет тридцать пять. Люди оборачивались ей вслед – так она была красива. А ей это нравилось. Но в тот раз она нервничала, то и дело оглядывалась, поглядывала на часы. Я понимала, что что-то случилось. Я бы даже спросила, в чем дело, но тут появился он.

Она сделала вид, что это просто один из ее друзей.

Он был в белом костюме и широкополой белой шляпе, придававшей ему театральный вид. Она обращалась к нему по имени – Гарри. Просто Гарри, без фамилии.

Они завели разговор и вели себя очень сдержанно – за руки не держались и точно не целовались. Но я чувствовала, что они близки, что у них есть общая тайна. Тогда я была слишком маленькой, чтобы распознать любовников, но позже поняла, кем Гарри приходился моей матери.

Обед закончился, я вернулась в кабинет, а перед глазами все стояла затемненная спальня и тело отца на постели. Нужно было встряхнуться и вернуться к работе, но горе и боль утраты были еще слишком свежи. Каждый раз, когда я пыталась поднять себе настроение – посмеяться над чьей-то шуткой или пошутить самой, – оно опускалось еще ниже.

Это опасное чувство – будто из-под ног выбили почву. Оно мне не нравилось, но я никуда не могла от него деться.

Но я знала, что это пройдет. Я всегда со всем справлялась – справлюсь и со смертью отца. Жизнь повернется светлой стороной. Скоро, сказала я себе, скоро все наладится.

2

Днем, когда я работала в офисе, приехал Морис Уокер. На нем был синий костюм в мелкую полоску. Морис – среднего роста, с седыми волосами. С ним был другой мужчина – на вид лет сорока, стройный и подтянутый, явно частый посетитель спортзала. Они направились напрямиком в кабинет Джейка.

Я знала, как все будет. Джейк задаст стандартные вопросы. Ему нужно знать, у кого могла быть причина убить жену Уокера. Месть? Недовольный партнер по бизнесу? Сделка сорвалась? А может быть, здесь замешаны наркотики? Застраховала ли миссис Уокер свою жизнь? Следом – вопросы о семейных отношениях. Ладил ли Уокер с женой, а если нет, был ли у кого-то из них роман на стороне?

Через час с небольшим они вышли из кабинета Джейка. Все трое направились к лифту, а я наливала воду из кулера.

По правилам хорошего тона Джейк должен был меня представить, но сделал он это в шуточной форме:

– А это Слоан, пожирательница грехов.

Уокер просто кивнул, но его спутник уставился на меня с любопытством.

– Как это, пожирательница грехов?

На этот вопрос у меня заранее был заготовлен ответ – это Лос-Анджелес, так что без отсылки к Голливуду не обойтись.

– Смотрели «Криминальное чтиво»?

– Еще бы. Это один из моих любимых фильмов. Я раза три-четыре его пересматривал.

– Тогда вы должны помнить сцену, когда двое бандитов застрелили мужика в багажнике, – сказала я. – Им нужно все это убрать, и они звонят чуваку, который этим занимается – ну, ликвидирует последствия.

Мужчина понимающе улыбнулся.

– Помню. Он приезжает и приводит все в порядок. Смывает кровь. Стирает отпечатки пальцев. Любые следы.

– В общем, я делаю что-то в этом роде, – сказала я. – Только никакой крови и никаких убийств.

И я широко улыбнулась.

– Я скорее мягко переубеждаю, – добавила я.

– А если не получается? – спросил мужчина.

Я тут же сделала грозное лицо.

– Тогда пора переходить к плану «Б».

Его явно заинтересовала моя работа, он смотрел на меня едва ли не с восхищением.

– Женщина, которая решает проблемы, – улыбнулся он. – Как захватывающе.

Он протянул руку.

– Саймон Миллер. Приятно познакомиться.

Я пожала руку в ответ.

Подъехал лифт.

Миллер сделал было шаг вперед, но замер и повернулся ко мне.

– А Монро Уилсон, случайно, не ваш отец? – спросил он.

– Да, откуда вы знаете?

– Когда я проходил мимо вашего кабинета, я заметил его фотографию на тумбочке позади стола, – улыбнулся он. – Мой отец входил в окружной совет. Он часто говорил о вашем

отце – какой он прекрасный полицейский. Его ждет блестящая карьера, уверял он. Но затем ваш отец неожиданно ушел в отставку, верно?

– Да, это так.

– Как у него дела?

– Он умер. Месяц назад.

Перед глазами пронеслась сцена похорон. На кладбище почти никто не пришел – по большей части старые полицейские, которые с почетом вышли на пенсию. Лишь только отзвучали последние молитвы, они направились к своим машинам, а у могилы остались только я и моя любовь к нему.

– Мне очень жаль, – сказал Миллер. – Мой отец умер три года назад. Это тяжело.

– Да.

– Мне правда очень жаль, – повторил он.

Он явно о чем-то задумался. Но о чем – не сказал, а я не стала спрашивать.

– Что ж, до свидания, – сказал он.

– До свидания.

Я думала, этим все и кончится, но он позвонил мне через час.

– Мне нужен пожиратель грехов, – сказал он. – Грехов у меня, правда, нет, но есть проблема.

– Какая?

– Вам лучше это увидеть.

Он продиктовал мне адрес и добавил, что это срочно. Миллер хотел, чтобы я тут же к нему приехала. Я ответила, что заеду после обеда.

И сдержала слово.

У Миллера был большой дом в Беверли-Хиллз. В испанском стиле, с красной черепичной крышей. У дома были припаркованы «БМВ» и «Бентли». Я позвонила, и дверь тут же открылась.

– Добро пожаловать, – сказал он.

Он успел снять пиджак с галстуком и теперь был одет в черные брюки и белую рубашку.

– А я ознакомился с вашей биографией, – заметил он, провожая меня в комнату рядом с прихожей. – Вы проработали в полиции десять лет. В рекордные сроки стали сотрудником уголовного розыска. Самый молодой полицейский за всю историю отдела. А затем вы ушли из полиции. Почему?

Причин было много. Я никогда не была особенно хороша в интригах. Чем выше я поднималась, тем осторожнее мне приходилось себя вести. Я слишком часто видела, как пренебрегают обязанностями, сорят деньгами, закрывают глаза на непрофессионализм, особенно если это твои друзья. С каждым годом объем бумажной работы рос как снежный ком, и приходилось все дольше сидеть за столом и заполнять какие-то необходимые бланки. Мне нравилось работать в поле. А в итоге я оказалась привязана к кабинету, точно банковский работник.

Но проблемы были не только в отделе.

Разочаровывала вся система. Обвинение сливало перспективные дела. Судьи игнорировали важнейшие улики. И так раз за разом, а в результате опасные люди могли безнаказанно творить злодеяния. Правосудие хорошо работает только в кино.

Я поделилась этими мыслями с отцом. Он невесело ответил: «Значит, пора уходить. Иначе в конце концов станешь плохим полицейским».

Его слова стали последней каплей. Я боялась, что, если останусь, мне уже не стать тем полицейским, каким был мой отец.

Но я не собиралась сообщать все это Миллеру, так что я выбрала другую причину из списка.

– Просто устала от того, что не могу предотвратить преступление, – ответила я. – Если это убийство, ты всегда находишься на шаг позади убийцы. А когда жертвой становится женщина или ребенок, чувствуешь, как опускаются руки.

– Но ведь поимка убийцы приносит некоторое облегчение?

– Некоторым да. Но не мне.

Миллер улыбнулся.

– Любопытно.

Мы еще немного поболтали, прежде чем Миллер перешел к делу.

– У меня трудности с бывшей женой. Она психически нестабильна. Не буду вдаваться в детали, лучше кое-что покажу вам.

И он проводил меня по длинному коридору.

– Это дом времен золотого века кинематографа, – сказал он. – Здесь есть зал для просмотра.

В коридоре стояли статуи и висели изображения ангелов, играющих на арфе. Даже самые крохотные были обрамлены тяжелыми резными рамами. Коридор привел в комнату с портретами. Там в два ряда стояли кресла – как в кинотеатре: красные, с мягкой обивкой.

– Прошу, садитесь.

На стене висел большой плоский телевизор. В шкафу под ним располагалась аппаратура. Миллер вставил DVD-диск в проигрыватель, взял пульт и занял место со мной.

– Запись смонтировал специалист, – объяснил Миллер, – он мастер по части видео. Само собой, это склейка. Пришлось так поступить, потому что съемка велась с трех разных точек. Одна из камер нацелена на подъездную дорожку. Вторая висит на доме. Третья снимает с высоты – так видно и дорожку, и дом.

– У вас много камер.

– Посмотрите видео и поймете, почему я их установил.

Он посмотрел на меня с грустью.

– Честно говоря, с тех пор я постоянно чувствую себя заложником.

Миллер кликнул, и черный экран ожил.

Белый PT Cruiser покружил по подъездной дорожке и остановился перед домом Саймона. За рулем сидела блондинка. Она задумчиво наклонила голову, словно стояла на мосту, смотрела на воду и не решалась прыгнуть. Секунд пятнадцать ничего не происходило, женщина не двигалась, но внутри у нее все кипело. Она в последний раз обдумывала последствия. Мне уже доводилось видеть это выражение. Так подросток с пистолетом пытается решить, действительно ли он готов застрелить полицейского, перейти черту и изменить свою жизнь к худшему.

Подросток обычно опускает пистолет.

Эта женщина сделала другой выбор.

Она вышла из машины. Очень худая, с длинными прямыми волосами. Двигалась она медленно. От нее веяло слабостью, она явно была нездорова. То ли почти не ест, то ли мало спит. У нее не хватало сил открыть багажник – пришлось надавить двумя руками. Она передохнула. Руки безвольно повисли вдоль тела. Учитывая ее состояние, странно, почему она просто не закрыла багажник, не села за руль и не уехала прочь. Это было бы гораздо проще.

Но она выбрала другой путь.

Женщина вытасила банку с краской, открыла и направилась к синему «Лексусу». На водительской дверце она широкой кистью вывела надпись красной краской: «Растлитель».

Я посмотрела на Миллера. Он безучастно глядел на экран. Непонятно, то ли он прятал свои эмоции, то ли их уже не осталось. Миллер был спокоен и собран – казалось, ее безумные выходки и нападения уже стали для него рутиной.

Я повернулась обратно к экрану.

Надпись была готова. Женщина отошла и посмотрела на нее, затем подошла к входной двери и яростно, размахисто вывела те же слова: «растлитель».

Теперь съемка велась с другого ракурса. Ко входу подъехал патрульный автомобиль, из него вышли двое полицейских в форме. Женщина обернулась к ним и просто ждала. Женщина-полицейский положила руку на пистолет. Я узнала ее – Кэндейс Маркс. Мы начинали вместе, но потом она получила степень по уголовному праву и перешла в департамент внутренних дел, променяв пистолет на карандаш.

Кэндейс начала переговоры. Ее напарник молча ждал, пока она приблизилась к женщине, подняла руку и медленно и плавно опустила. Она уговаривала женщину положить краску и кисть на пол.

Женщина не послушалась.

Кэндейс замерла.

Они уставились друг на друга.

Наконец женщина заговорила. Запись была без звука, но сказанное явно встревожило Кэндейс. Взгляд стал жестким. Она посмотрела на напарника. Сигнал был мне знаком:

У нас проблема.

– Сейчас начнется неприятная часть, – сказал Саймон. – Мне каждый раз больно это видеть.

Я не отреагировала. Казалось, я покинула этот дом и эту темную комнату с экраном телевизора.

Я была снаружи.

С этой женщиной.

Она смотрела, как полицейские приближаются к ней. Первой шла Кэндейс, за ней – на пару шагов позади – ее напарник. Кэндейс продолжала уговоры. Указывала, что нужно опустить банку с краской и кисть. Но женщина не выпускала их из рук. Она застыла на месте.

Второй полицейский сделал шаг вправо. Женщина повернула голову. Она разгадала маневр – ее пытались окружить. И она швырнула банку в Кэндейс. Взметнулась волна красной краски.

Это считается нападением.

Я знала, что случится дальше.

Полицейские бросились вперед, поставили женщину на колени, а затем лицом вниз на каменную дорожку. Она сопротивлялась, пиналась, извивалась. Встав по обе стороны, Кэндейс свела запястья женщины вместе и нацепила наручники.

Из дома вышел Миллер. Он явно был рад, что все закончилось. Полицейские подняли женщину с земли и повели к машине. Кэндейс надавила рукой на голову женщины, чтобы она пролезла на заднее сиденье.

Миллер пожал руки Кэндейс и ее напарнику и поблагодарил.

Они уехали, и он вернулся в дом. На этом запись заканчивалась.

– Это случилось пять лет назад, – сказал Миллер.

Он поднялся со стула и подошел к экрану.

– Эта женщина – моя бывшая жена, – объяснил он. – Клэр Фонтен.

– Откуда эта идея? – спросила я. – Что вы растлитель?

– У нее была дочь от прошлого брака. Мелоди. Однажды ночью она утонула у берегов Каталины. С тех пор Клэр вбила себе в голову, будто я ее домогался.

Я не знала, правда ли это, но в этом не было необходимости. Клиенты получают презумпцию невиновности, и ты делаешь все, чтобы им помочь.

Но я все равно прощупала почву.

– И никаких оснований для этого не было? – спросила я.

– Никаких.

– И раньше вас никогда ни в чем подобном не обвиняли?

Миллер выглядел обиженным.

– Разумеется, нет. И кстати, я не единственная жертва ужасных обвинений. Возьмем, к примеру, отца Клэр. Она убеждена, что он пытался ее утопить, когда ей было восемь.

– Зачем? – спросила я.

– Клэр считает, что у него был роман с женщиной, которая не хотела никаких детей. Он позвал Клэр поплавать и в какой-то момент попытался ее утопить. Клэр утверждает, что он схватил ее за лодыжки, когда она пыталась забраться на лодку, и чуть было не утащил под воду. И только появление других людей помешало ему. После этого отец расстался с той женщиной и за это ненавидит Клэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.